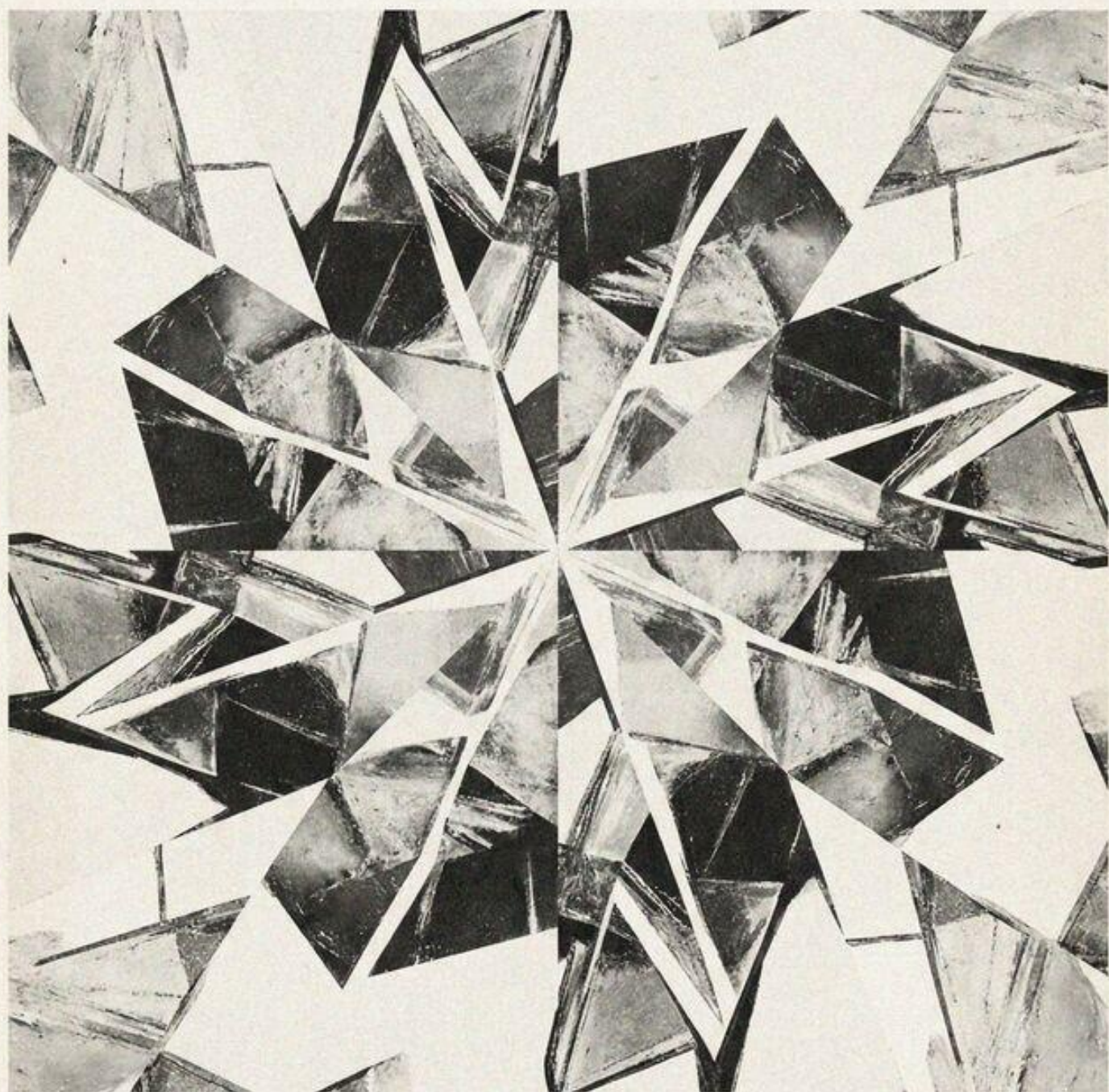

18+

КОЛОДЕЦ

МОСКВИН-БОРСКИЙ

18+

Москвин-Борский
Холодец. Роман в 7 главах

«Издательские решения»

Москвин-Борский

Холодец. Роман в 7 главах / Москвин-Борский — «Издательские решения»,

Канун Нового года. Ночь. Улица. Фонарь. Ветхий дом в русской глубинке. Работнику мясокомбината Саше Колесникову снится холодец, приготовленный по семейному рецепту: свиная голова, копыта и... хвост. Безобидная, на первый взгляд, одержимость оборачивается чередой фантастических и местами комичных событий, знакомых каждому русскому человеку. Событий, в которых главный герой ищет ответы на мучающие его вопросы. Как жить? Что делать? И с чем всё-таки есть холодец: с хреном или с горчицей? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Ограничение по возрасту	6
Пролог	7
Глава первая	8
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Холодец

Роман в 7 главах

Москвин-Борский

© Москвин-Борский, 2026

ISBN 978-5-0069-5920-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ограничение по возрасту

18+

Настоящее издание предназначено для лиц, достигших возраста восемнадцати лет.

Информационная продукция соответствует возрастной категории «18+» согласно Федеральному закону от 29 декабря 2010 г. №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Текст содержит: нецензурную брань; описания употребления алкогольных напитков и табачных изделий; сцены физического и психологического насилия; жестокое обращение с животными.

Пролог

Стемнело.

На окраине Вязовой улицы, по своему обыкновению, зажётся последний действующий фонарь. Его жёлтый, болезненный свет не только озарил небольшой участок земли, но и проник сквозь тюль в спальню дома под номером девять.

Спустя некоторое время две серые фигуры показались в окне: женский силуэт сдёрнул покрывало с постели, а мужской потянул поясницу в разные стороны, после чего оба неспешно забрались под одеяла. Очевидно, что свет уличного фонаря уже никоим образом не мешал их отдыху. Напротив, за годы совместной жизни эти люди так свыклись с мистическим оттенком, что заснуть при таком освещении им было гораздо легче и спокойнее, чем в полной темноте.

Но всё же одна вещь не давала супружеской паре покоя: старый матрац с недавних пор стал предательски издавать звуки, когда кто-то начинал вошкаться в постели. Вот и сейчас послышался скрип...

— Са-а-аш. Саш, ты спишь?

Ответа не последовало. Саша лежал на боку, стараясь не подавать признаков жизни. На мгновение ему даже показалось, что сердце его перестало биться, лишь бы не нарушать тишину своим стуком.

Жена со скрежетом перевернулась на спину и уставилась в потолок.

— Признавайся, о чём думаешь? — выждав несколько секунд и смачно цокнув языком о небо, она продолжила, но уже с недовольной интонацией. — Только не делай вид, что ты меня не слышишь!

На уме у мужа назойливо вертелась одна мысль, но произносить её вслух было опасно.

— Колесников! Ты меня любишь?

Тишина в комнате воцарилась прямо-таки гробовая. Саша прикусил язык и подумал: «Что за вопрос? С чего вдруг? Нет, молчи! Всё равно не поймёт и будет попрекать, припоминая тебе твои же слова!»

— Ну-у! — сиплым голосом разразилась жена. — Я же знаю, что ты не спишь. Дёргаешь лапой своей, только бесишь меня ещё больше!

Сашина нога тотчас успокоилась и скрылась под одеялом.

— Колесников, не тяни! Говори, о чём думаешь!

Саша не выдержал. Его сердце ёкнуло, а из уст звучно вырвалось короткое:

— О холоде!

Жена ткнула в мужа локтем и сквозь зубы процедила:

— Хо-оспади! Ну и дурак же ты!

Ни с того ни с сего в голове у Колесникова загремел оркестр. Смычковые и духовые играли чересчур бойко, раскатисто, а старый рояль то и дело вторил нервным перебором низких и высоких нот.

Боли от удара в спину Саша не почувствовал, так как то, что ноет на протяжении долгих лет, заболеть сильнее, кажется, уже не может. Но ему вдруг стало так приятно и так тепло от того, что он дал волю своей навязчивой идее и, кажется, сильнее ранил жену ответом, нежели она его локтем.

Наслаждаясь маленькой победой, Колесников вовсе не заметил, как звуки инструментов сошли на нет, а тяжёлые веки сомкнулись.

Глава первая

Незаметно наступило утро. Соседские петухи забили в набат, из-за чего хозяин дома нехотя продрал глаза. Он тягуче зевнул и потянулся к прикроватной тумбочке, чтобы обезвредить будильник, который с минуты на минуту мог зареветь и разбудить то, что всю ночь сопело и храпело под боком, под двумя одеялами.

Колесников боязливо посмотрел в сторону жены, наострил уши и, довольный, повернулся обратно. Без сомнения, он желал начать неделю не с очередных злых взглядов и брани, а с воспоминаний о том, что приснилось ему ночью.

Саша нащупал тапочки под кроватью и попытался аккуратно встать, но не тут-то было! Матрац подло заскрипел, а вслед за ним храп и сопение изменили тембр звучания. Стало очевидно, что действовать нужно по-другому. Колесников резко рванул вверх, но и это оказалось ошибкой, так как поясница моментально напомнила о себе.

Одной рукой сдерживая крик отчаяния и боли, а другой держась за ноющее место, Саша застыл посреди комнаты, прямо напротив уходящего под потолок шкафа с книгами, забытыми под толстым слоем чёрной пыли.

«Отпустило», — подумал он спустя пару минут, судорожно поглядывая на выход.

Бесшумно прикрыв дверь, Колесников тут же отправился напрямик на кухню, припоминая со всеми подробностями, как во сне он раз за разом и с усердием пересчитывал пороссячи морды, которые кружили вокруг него, а затем укладывались на полках вдоль стены. Он то принюхивался, то осматривал уши или же вовсе открывал пасти, внимательно прощупывая бледно-розовые языки, чтобы в конце концов выбрать лучшую голову для заветного холодца. Всё это время Саша держал при себе выцветший блокнот, в котором был подробно описан семейный рецепт приготовления этого исконно русского блюда.

Когда свиной череп разлетелся на куски от размашистого удара топором, Колесников с упоением ставил на огонь бездонную кастрюлю и лез в карман штанов. Но вместо потрёпанной записной книжки он только и делал, что вытягивал отрезанные пороссячи уши, покрытые липким жиром. Сон неизменно застревал на этом моменте и начинался заново, не оставляя никакой надежды на продолжение.

Именно поэтому Колесников так мучительно и в то же время целеустремлённо хромал по захламлённому коридору в сторону буфета, где его покойная бабка хранила рецепты, скрупулёзно записанные её же крючковатым почерком.

Оказавшись на месте, Саша закинул в рот кусок сахара и принялся осматривать полки в поисках записной книжки. Перебрав стаканы и чашки на верхней секции, заглянув в многочисленные банки и склянки на второй, он задержал внимание на засохшей мухе, которая нагло испустила дух на полке со сладостями.

Нацелившись открыть нижние дверцы, Колесников подался на полшага назад и ступил на половицу, которая застонала и пуще прежнего опустилась под его весом. Рядом с потрескавшейся пяткой в ту же секунду показался кованый гвоздь, учтиво поприветствовав хозяина дома сплюсненной шляпкой. Не придав значения случившемуся, Саша сосредоточенно продолжил поиски: среди специй и старой кухонной утвари он обнаружил ещё парочку усатых вредителей, таких же почивших, как муха с верхнего этажа, и несколько побледневших фантиков от конфет по соседству. Блокнота нигде не было видно...

— Ты почему ещё не одет?! — как гром среди ясного неба, прокричала жена, одним глазом посматривая на часы, а другим — на мужа.

— И биться сердце перестало! — от испуга огрызнулся Колесников.

— Посмотрите на него — ни стыда ни совести! Расселся тут голый, в одних тапках посреди комнаты! Сходил бы уж, что ли, лучше собаку накормил да дров в сени натаскал, если заняться нечем, — женщина в ночнушке до самого пола чуть не придавила супругу пальцы, хлопая дверцами буфета.

— Сама всё сделаешь. Опаздываю, не видишь?! — Саша благополучно отскочил, а затем и вовсе распрямился во весь рост.

— Не-ет уж, постой! — жена расширилась в ответ, характерно расставив руки по бокам. — Значит, только я его сивуху пережила, а он опять за своё! Признавайся, в могилу меня свести хочешь?

— Да что ты взъелась с утра пораньше?

— Колесников! Какой к чёрту холодец? Очнись уже и займись делом! Я тебя сколько просить буду, чтобы ты баню закончил? Да хрен бы с ней с баней. Яблоню спилить — отнекиваешься. Замок поменять — тоже времени нет. Новый год на носу, а у тебя конь не валялся!

— Он мне второй день мерещится... — не обращая внимания на упрёки, Саша всё ещё рыскал глазами вдоль полок.

— Я так и знала... Нет, ну я так и знала! — с горечью повторяла жена.

— Да прекрати ты убиваться. Ну, захотелось... ЗА-ХО-ТЕ-ЛОСЬ! Поняла?!

— Поняла! — оскалилась жена, брызнув слюной от ненависти.

Почесав ягодицу и впервые ощутив морозец в доме, Саша заговорил вновь:

— Раз так, то прекращай горланить. Скажи лучше, где блокнот с бабкиными рецептами. Нигде найти его не могу...

— Смотреть на тебя тошно, — прошипела жена. — Если я по твоей дурусти ещё раз в обморок упаду, то я сама из тебя холодец сделаю и на мороз выставлю, чего бы мне это ни стоило! ПОНЯЛ?!

— Ага, конечно... — усмехнулся Колесников, скидывая на пол высохшее насекомое.

— Прибить бы тебя чем-нибудь!

— Так вот же... кочерга, — с издёвкой Саша указал в сторону печи. — Слушай, я захотел сварить холодец! — кулак ударил в волосатую грудь, словно в гонг. — Я мяса хочу! Я мужик или кто, в конце-то концов?!

После такого яркого заявления жену передёрнуло, но она привстала на цыпочки и, зло радуясь, достала с антресоли измятую записную книжку.

— На, подавись! Ах, да-а... мужик, говоришь? Что же ты половицу не отремонтируешь, мужик? Гвоздь вон торчит посреди кухни! Я из-за скрипа окаянного не сплю, а теперь, ей-богу, без крови не обойдётся! — сделав акцент на последних словах, она резко развернулась и зигзагом зашагала обратно в спальню, затем демонстративно хлопнула дверью, оставив после себя наэлектризованный воздух.

Колесников опешил, но быстро пришёл в себя — наконец-то в руках у него оказалась желанная вещь. Саша судорожно перелистал блёклые листы и снова оцепенел. Разворот с рецептом холодца был безжалостно вырван...

«Вот дрянь! — первое, что подумал он, избавившись от оков печали. — Ну, допустим, вырвала ты эти страницы... Но когда? Ночью? Конечно, ночью. Когда же ещё? У-у-у, ведьма!»

Колесников попятился, отчего по всему дому пробежал раздражающий, мерзкий звук...

Часы коварно пробили семь.

Саша посмотрел под ноги, вздохнул и полез под стол. Согнувшись в три погибели, он кое-как, с усилием, отворил погреб. На середине хлипкой лестницы Колесников брезгливо нащупал в темноте заросший паутиной переключатель и дёрнул его на себя. Подполье нехотя озарилось тусклым светом, очертившим настенные полки, на которых хранились банки с соленьями, лук, репа и другие овощи. От холода и сырости, ударивших в лицо, у Саши застучали зубы...

Опустившись на самое дно, Колесников прищурился, осмотрелся и задержал взгляд в дальнем углу. Прикоснувшись к половице, он продвинулся вперёд, проведя ладонью до места, где деревянная доска прогнулась сильнее всего. Быстро стало понятно, что причиной утренних бед послужила массивная дубовая балка, которая сгнила и надломилась под тяжестью времени, оголив тем самым длинный ржавый гвоздь. Саша почесал репу и прикинул, что в таком состоянии полы должны продержаться ещё какое-то время, а значит, заняться ремонтом можно будет потом, после праздников. На душе сразу полегчало, отчего Колесников удовлетворённо выдохнул, пощёлкал отростки на картошке и вскарабкался по лестнице обратно наверх.

Метель бушевала всю ночь с такой невероятной силой, что под утро Мясной Бор накрыло одним большим пуховым одеялом, спрятавшим под собой дома, машины и всё живое.

Колесников небрежно вывалился на улицу, со всей силы вышибив плечом дверь, заваленную снегом. Очувшись на крыльце, Саша по-мужски оценил свой поступок, поправил сбившуюся набекрень бобровую шапку, выгнул ворот овчинного тулупа и вразвалку выдвинулся в сторону калитки. Как обычно, неподалёку от забора, на крыше будки сидел сторожевой пёс, преданно ожидая встречи с хозяином.

— Ну, иди... иди сюда!

Брякая цепью, собака мигом соскочила вниз, встала на задние лапы и потянулась к человеку, рьяно его обнюхивая.

— Да хороший! Хороший пёс! Ладно, бывай... жена тебя покормит, — Саша потрепал животное за ухом, развернулся и пошёл к воротам, попутно увернувшись от старой яблони.

На дворе стояла непроглядная тьма. Сугробы выросли почти до колен, так что снег то и дело западал в валенки, досаждая неприятным ощущением мокрых ног.

В ветхих избах свет не горел, да и не все они были заселены людьми. В доме номер пятнадцать, у старого колодца, с трудом сводил концы с концами учитель труда, а из двадцать первого давным-давно съехала тётя Люба, когда-то работавшая в хлебном ларьке у автобусной остановки. В единственном двухэтажном доме с мансардой жил Пётр, но все его величали Петро. Петро был мастером на все руки: кузнецом, сварщиком, токарем и даже каменотёсом. С ним у Саши с самого детства были натянутые отношения, когда мальчишками они бесконечно спорили и дрались из-за всякого пустяка. Судьбой других соседей Колесников давно не интересовался, да и не особо горел желанием.

Через десять минут ходьбы и борьбы с непогодой Сашиному взору открылась трасса, разделяющая село на две части. В стороне, через дорогу, виднелась вывеска исполинских размеров: «МЯСОКОМБИНАТ №2». Надпись мрачно подсвечивалась алым цветом, отчего виды старых промышленных зданий выглядели по-особенному пугающе. Напротив же, неподалёку от домов, бесконечной грядой торчали кресты и верхушки памятников. Зимой снег скрывал большую часть мемориалов, поэтому сейчас они выглядели не так удручающе, уступая первенство мясокомбинату.

Стихийное кладбище возникло на этом месте не случайно. Виной всему послужило распутие обычной поселковой дороги с автострадой. Из года в год люди калечились здесь и умирали чаще, чем можно было себе представить. Дошло до того, что деревенские даже обратились к так называемому чудотворцу в надежде поговорить с погибшими и узнать, не прокляты ли часом перекрёсток. Правда, за уплаченную и притом немалую сумму удалось не более чем выяснить, что под ногами страждущих пролегает неведомый энергетический разлом, да ещё и невиданных размеров. Ой, как только не просили и не умоляли простодушные уважаемого специалиста объяснить, что это такое и как теперь с этим жить, но, к всеобщему разочарованию, тот лишь улыбочиво откланялся и незаметно удалился. А между тем рядом с могилками, как на дрожжах, вырос «Дом ритуальных услуг», о чём любезно сообщала броская реклама на громадном самодельном щите.

Проходя злосчастный участок, Колесников ухмыльнулся. Добравшись до большой дороги, он перевёл дыхание и огляделся по сторонам. Этим утром трасса показалась ему неприлично пустынной. Машин совсем не было, поэтому он спокойно перешёл на противоположную сторону, сполна насладившись затишьем.

Ускорив шаг, Саша миновал долгий железобетонный забор и наконец вошёл в невзрачную проходную, внутри которой помещалась неказистая будка охранника, оборудованная турникетом и маленьким окошком. Заслышав неразборчивую мелодию, доносившуюся напрямиком из небольшого отверстия, Колесников остановился рядом с каморкой. Набрав в грудь побольше воздуха и резко выдохнув, Саша наклонился и постучал.

Никто не открыл.

Он постучал настойчивее.

Окно, как и прежде, осталось в закрытом положении, но зато музыка стихла, а на первый план вышло пьяное бормотание. Колесников перепрыгнул через турникет и с явным интересом открыл дверь. На стуле в разобранном состоянии раскинулся Федя Колпачок. Его голова лежала поверх сложенных на столе рук, а ноги торчали в разные стороны.

Чернуха получил своё прозвище в школе. В четвёртом классе он так усердно грыз колпачок шариковой ручки, что тот взял да и застрял у него в горле. К счастью, небольшие отверстия позволяли мальчику дышать, но, как назло, именно его вызвали первым к доске, после чего бедняге стало плохо, и по щекам невольно потекли слёзы. Когда Валентина Васильевна приказала объясниться, то вместо слов Федя, к всеобщему удивлению, издал хриплый жалостливый свист.

— Я... я видел, как он проглотил колпачок! — прокричал тогда Саша, вместо того чтобы хихикать со всем классом.

— Эй, Колпак! — Колесников небрежно ткнул друга в плечо.

Тело немного приподняло голову, сказала что-то несвязное, и Саше показалось, будто Чернуха заговорил с ним на тарабарском языке.

— Алло-о-о, есть кто живой? Вставай, давай, скоро смена придёт, — Колесников принялся тормошить товарища, который всё ещё безвольно мычал и никак не мог прийти в себя. — У тебя совсем крыша поехала?

Федя поднял голову и стеклянными глазами посмотрел сквозь друга. Колесников вздохнул, плюнул в ладонь и отвесил смачного леща приятелю.

— У меня праздник, и-и-и-имею право! — рухнув на пол и, кажется, придя в чувство, завопил Федя.

— Какой? День охранника мясокомбината? — с насмешкой переспросил Саша.

— Вчера сутки были, как не пью! — Колпачок вскарабкался обратно на стул.

— В таком случае я тебя поздравляю!

— Да не виноват я, Сань, пойми. Это всё Кузьмич! Кто его помирать-то просил? А этот новый вместо него: «Посидим, — говорит, — помянем». Ну, бес меня и попутал... Я тебе так скажу, он пострашнее Кузьмича будет. Тот-то не сахар был, а этот вообще, у-у-у!

Колесников замахал рукой, чтобы сбить перегар.

— Жену хоть не бил? — стягивая с гвоздика связку ключей, спросил Саша.

— Когда... я дома-то ещё не был, — вытянув губы трубочкой, пробормотал Федя.

— Смотри мне! — Колесников погрозил ушанкой, после чего шагнул за порог.

Территория предприятия выглядела по-будничному серо и невзрачно. Поодаль, слева от проходной, виднелись железнодорожные рельсы с поредевшими составами, предназначенными для перевозки костей и других отходов. Справа стояли где-то заброшенные, где-то доживающие свой век производственные и прочие здания. Словом, следов от бывшего величия «МЯСОКОМБИНАТА №2» с каждым годом оставалось всё меньше.

Саша шёл вперёд размашистым шагом, а под его ногами скрипела земля. Приблизившись к дверям своего, ещё действующего цеха, он подобрал нужный ключ, снял навесной замок и с трудом потянул в сторону тяжёлый засов.

Проникнув в тёмный сырой коридор четырёхэтажного здания, выложенного красным кирпичом, Колесников сверился с часами и ужаснулся. Электронное табло над входом равнодушно застыло на восьми. Саша побледнел. Он сделал несколько шагов в сторону и, опомнившись, затрусил вверх по лестнице. Через пару пролётов Колесников оказался в другом коридоре, где на него пристально смотрели лица лучших сотрудников в пыльных деревянных рамках, которыми гордился комбинат ещё при прошлом, скоропостижно скончавшемся директоре.

Отдышавшись, Саша юркнул в неприметное помещение, служившее одновременно раздевалкой и комнатой отдыха. Там он наспех скинул верхнюю одежду, небрежно запихав её в небольшой шкафчик. Избавившись от колючего свитера, он надел синий халат и спешно стянул с себя валенки, заменив их неудобными резиновыми галошами. Венцом преобразования послужила одноразовая хлопчатобумажная белая шапочка, под которой спрятались все оставшиеся на голове волосы.

Завершив перевоплощение, Колесников уселся за стол, открыл толстый производственный журнал на чистой странице, вписал дату, отметил галочками нужные строчки и расписался. Как старший смены, он, конечно, обязан был сначала осмотреть все подконтрольные ему помещения и оборудование, а уже потом заполнять проверочные листы, но в этот раз ему явно было не до этого.

— Привет, Саня!

— Здорова, Санёк.

В комнату стали заходить мужики разного возраста и калибра.

— Александр Евгеньевич, доброе утро!

Различные голоса звучали все как один. В это же время Саша пытался открыть заклинивший ящик стола, но после нескольких неудачных попыток он прервался и произнёс в ответ:

— Здорово, мужики!

Приветствия продолжали доноситься от каждого, кто заходил в раздевалку. Только что прибывшие сразу скидывали вещи и подходили к столу, протягивая талоны. Колесников на глазах у публики всё же совладал с ящиком и достал продолговатый штамп.

— Ты, наверное, ещё не слышал? — обратился к старшему смены мужик с большими усами и огромными ручищами.

— Не слышал что? — переспросил Саша и обильно подышал на клише.

— В общем-то это...

— Давай, не тяни, раз начал, — Колесников, не поднимая головы, принялся штамповать бумажки одну за одной.

Собеседник сделал шаг вперёд, переглянулся с остальными и продолжил:

— Ильич... умер.

Звуки печати прекратились. Саша пристально посмотрел на коренастого работягу в зелёной спецовке. Ильич был сам не свой. Его морщинистый лоб ещё сильнее скукожился, густые брови почернели, а волосы расползлись по всему лицу. После непродолжительной паузы этот с виду похожий на гриб мужик наконец-то заговорил сам:

— Копыта откинул, родненький! Видать, из наших кто щеколду не закрыл. Возможно, и... я... — тут Ильич остановился. Образовавшийся ком в горле явно мешал ему говорить.

— Дальше, — Колесников всем своим видом потребовал продолжения истории.

Мужик с большими усами и кулаками размером с кувалду снова сделал шаг вперёд и взял слово:

— А дальше Ильич из загона выбежал, сделал подкоп в кормовую и обожрался до смерти. Там мы его и нашли, с пеной у рта.

Саша скорчил гримасу: правая бровь опустилась, губа ушла в сторону, а челюсть отвисла.

Ильичом звали борова, который работал на скотобойне за еду, наравне с людьми. Его прямыми обязанностями были руководство и поддержание авторитета в обществе таких же, как он. Когда наступал положенный час, загон открывали, и важный Ильич выходил первым в специальный коридор, а остальные свиньи инстинктивно следовали за ним, не подозревая, что в конце пути их ждёт неминуемая гибель. Правда, ещё не так давно никто даже и помыслить не мог о таком чуде.

Как и на других предприятиях подобного рода, погонщики по обыкновению заходили в периметр и всевозможными прутьями и щитами выгоняли своих жертв, заставляя их визжать и носиться из стороны в сторону.

Но вот однажды в стенах комбината оказалась свинья со сломанной ногой, очевидно, пострадавшая при транспортировке. Дрожащая тварь пролежала у кормушки целые сутки без всякого движения, окончательно утратив веру и способность передвигаться. Именно для таких случаев у Ильича всегда были наготове его подручные инструменты. С огромными щипцами на длинном проводе он заходил в загон и со знанием дела оглушал травмированное животное.

Правда, в тот раз всё пошло не по плану: суровый мужик уже было вознёс изношенное орудие над свиньёй, но в самый последний момент не смог дать разряд, так как, по его словам, в потухших глазах он увидел своё отражение. Было во взгляде измученного борова что-то родное, что-то неуловимо знакомое каждому русскому человеку.

Как ни пытался, но так и не смог Ильич погубить парнокопытное, чем вызвал бурное негодование товарищей по цеху. Однако со временем мужики стали подмечать удивительное сходство покалеченной свиньи с её спасителем и потихоньку сами к ней привязались.

Над кличкой долго не думали. Выхаживали Ильича всем составом: за свой счёт смастерили индивидуальный вольер, поставили туда кормушку, поилку, и счастливый боров с неведомой для него ранее заботой стал поправляться. Через два месяца он уже, как ни в чём не бывало, бегал, вилял хвостом и бойко похрюкивал.

Спустя время кто-то из работников заметил, что, находясь в общем загоне с сородичами, Ильич возымел над ними власть. Каждая новая партия животных неизменно ходила за ним по вольеру, а тот словно объяснял им, как всё устроено. Вот Ильич подходит к поилке и пьёт воду — остальные делают так же. Вот Ильич делает круг вдоль забора — все следуют за ним. И так во всём, чем может быть наполнена жизнь в неволе.

Первым, кто предложил использовать любимого питомца в качестве загонщика, был Демьян Тимофеевич Блохин. И действительно, после открытия калитки Ильич уверенно вёл за собой новобранцев, а когда доходил до конца ленточного конвейера, его, следуя хитрому плану, не зажимали в специальном фиксаторе, а давали спуститься обратно, награждая куском хлеба.

С остальными же свиньями всё было совсем иначе. Ильич, который человек, нажимал на кнопку, и ничего не подозревающие животные попадали в тиски. Специальные щипцы опускались на голову, а через мгновение по ним пускался ток. После этого жертвы падали навзничь на конвейер, освобождая место в очереди.

В конце смены Ильича переводили на ночь в его персональную жилплощадь, ещё раз кормили, чесали за ухом и благодарили за отлично проделанную работу.

На следующий день всё повторялось заново.

— Александр Евгеньевич, да неужели вся эта история с Ильичом, ну, который хрюня, правда? Вот так вот сам, без всякой тренировки, повёл за собой остальных? — послышался голос стажёра с задних рядов.

— Да... а теперь выходит, Ильич убил Ильича, — задумчиво ответил Колесников.

— А я всё думал, что вы его так обучили ловко, что так и положено на мясокомбинатах. Нам ведь в учебке рассказывали, что если животное насильно на убой гнать, то у него стресс будет, который потом на качестве мяса скажется, — продолжал сотрясать воздух юношеский тенор.

— Сень, ты бы поменьше думал там, и без тебя тошно, — отреагировал кто-то из старших.

— Петухов, кстати, уже в курсе, — обратился к Саше Антоха Квашеный.

— Он просил, чтобы ты к нему поднялся после обеда, — пробурчал под нос Косой.

— Саш, может, узнаешь заодно, что там с премией? Праздники на носу, да и жрать хочется, — работник с густой растительностью на лице заговорил громким басом на всю комнату.

— А чего сами не спросили, раз он спустился к вам?

— Да мы как-то это... ну, не ожидали его здесь...

— Побоялись, в общем! — раздался спокойный голос из толпы.

— Берёза правду говорит. Он не в настроении был, вот мы и подумали, что уж лучше тебе, Саня, всё у него разузнать, — произнёс Макар Егорыч, стоя в стороне от всех.

— Хорошо-хорошо... узнаю, — Колесников вздохнул и, выдержав небольшую паузу, ударил ладонью по журналу. — Всё! Собрание окончено, айда в цех! — старший смены встал из-за стола и вместе со всеми вышел из помещения.

Рабочие постепенно рассредоточились на конвейере, и только Николай Антонович замешкался, а затем и вовсе остановился у рукомойника. Он задрал голову и стал водить носом, лихорадочно принюхиваясь к чему-то в воздухе.

— Коль, всё в порядке? — не выдержав странного зрелища, спросил Саша.

— Завоняло! Чувешь?

— Ты о чём?

— Двенадцать лет работаю здесь, и вот те на, опять этот смрад в носу, прямо как в первый день, когда я загремел сюда не по своей воле.

Колесников нахмурил брови и тоже сделал несколько глубоких вдохов:

— Ничем не пахнет. Вентиляция дышит... — разглядывая потолок, подытожил старший смены.

— Я тебе не про это! То, что она работает, это я и сам вижу, чай не слепой ещё, — покусывая кончики пальцев, расстроенным голосом ответил Копейкин. — Только вдумайся: мы так долго работаем здесь, что уж даже не замечаем, как вокруг всё провоняло этим едким запахом. Ко мне родственнички, к примеру, первый раз приехали прошлым летом и сразу спросили с порога: «А чем это у вас так воняет?» А я на них смотрю и думаю: «Ничем не воняет, чего брешете!» Или вон Галка, соседка моя, она к матери обратно переехала из-за того, что ветер постоянно с комбината в её сторону дул. Не стерпела...

Саша основательно вобрал в себя ноздрями воздух и, выдохнув, подытожил:

— Не, Коль, ничего не чувствую.

— Ай-й, проехали... — Николай Антонович с досадой махнул рукой. — Ты только, Санёк, не бери всерьёз... ну, показалось, видать... с кем не бывает? И прошу, не рассказывай никому, а то ещё подумают, что Копейкин уже всё, тью-тью. Засмеют — не отмоюсь!

За следующие несколько часов Колесников успел полностью обойти цех, находящийся в его ведении. Он осмотрел новоприбывших свиней, проследил за ветеринаром, проверил циркулярные пилы и пообщался с некоторыми сотрудниками на линии, выслушав их жалобы и вопросы про премию.

Наступило время вывода очередной партии на убой.

Побродив бесцельно от поста к посту и не зная, чем занять себя дальше, Саша остановился у жёлтых перил и приготовился наблюдать, как рабочие будут справляться с хлопотной задачей без прежнего помощника. К тому же в этом году на комбинате было, как никогда, много совсем ещё зелёных, вчерашних учеников сельскохозяйственного техникума, что определённо повышало градус интереса.

Но зрелище оказалось скорее печальным, нежели весёлым. Подгоняемые палками и прутьями свиньи в панике шарахались от молодняка, издавая при этом громкие взвизги отчаяния. Бедственное положение усугублялось ещё и тем, что неопытные загонщики, не зная, как исправить ситуацию, лишь сильнее хлестали по окорокам, с каждой секундой зверея и свирепея от своей беспомощности, а бывалые только и подначивали их хохотом и чадным угаром.

Старший смены стоял поодаль, облокотившись на перила, не подавая никакого вида. Лишь глаза его скользили из стороны в сторону, следя за несчастными животными.

Мало-помалу происходящий беспредел зашёл в тупик, поэтому Саше всё же пришлось закатать рукава. Он растолкал юнцов и украдкой надел ведро на голову самой крупной свинье. Паника тут же сошла на нет. Животное растерянно хрюкнуло и застыло на месте, ожидая, что же произойдёт дальше. Остальные двенадцать боровов постепенно угомонились, с любопытством наблюдая за происходящим, собственно, как и их неумелые загонщики.

Колесников отобрал прутик у пухлого паренька, встал перед выходом и, прицокивая языком, постучал розгой по металлическому забору. Хрюшка с ведром на голове поспешила вперёд, ориентируясь на манящие её звуки, заодно увлекая за собой сородичей. Когда животные оказались вне загона, Саша аккуратно снял жесть с ведомого, погладил его по шее и лёгкой рукой направил в начало транспортной ленты.

Фофанов, стоя на посту в расстроенных чувствах, заметил движение в свою сторону и нехотя приготовился действовать. Андрей Иванович последовал примеру, взяв в руки цепь для подвешивания туш за ногу, а Пряников Валя машинально начал точить ножи, которыми он искусно пронзал горла и рассекал передние полые вены на одном дыхании.

Конвейер медленно зашевелился, а затем и вовсе закипел.

Контролировать сей процесс не было никакого желания, поэтому, преподав урок, Колесников направился в свой кабинет, то и дело зевая.

— Ещё один! Откуда вы повылазили все?! Под ноги смотри, клей там... я же предупредила, ты оглох, что ли? Иди сюда теперь и вытирай галоши, — проворчала пожилая женщина со шваброй.

Засмотревшись на развешанную вдоль стен блестящую мишуру, Саша лениво зашаркал ногами по мокрой тряпке.

— Соображать же надо! Кто ведро с клеем на самый край поставил? Ты?! Насвинячат, а убирать не хотят. Баб Зина, убери, баб Зина, помой, — продолжала браниться уборщица.

Колесников перевёл взгляд на окно, наполовину украшенное снежинками, вырезанными из бумаги.

— Пятки протри хорошенько, да поживей давай. Где вас таких понабрали? Только и делают, что по коридорам шастают да красоту наводят. А работать кто будет, баба Зина? — сварливый голос сбился на кашель, а затем зазвучал с новой силой. — Как ни посмотрю, у всех руки не из того места растут! Правильно говорят: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт... Ну всё, кончил?

Саша проверил галоши и немедля махнул через липкую лужу, оставив брюзжащую старуху наедине со шваброй.

Попав в свой неприметный угол, Колесников, недолго думая, достал лоток с нижней полки выпуклого холодильника, прихватил гранёный стакан со стола и из-за сквозняка хлопнул дверью сильнее обычного.

Настало время обеда.

Мысли о холодце вновь овладели Сашей.

Ступая по мрачным закоулкам комбината, он отчаянно пытался вспомнить, как в детстве его родные толпились у стола, нахваливая неповторимое блюдо, приготовленное дедом. Пленённый щемящим чувством в груди, Колесников совершенно не заметил, как сознание полностью погрузилось в прошлое почти тридцатилетней давности...

Как-то раз, будучи лупоглазым пацаном, Санёк договорился встретиться с Серым за забором у фонарного столба. Серый явился не один, а в компании двух шкетов помладше, что жили на улице через трассу. Быстро ударили по рукам и, не теряя времени, пошли в сторону бетонного завода, обсудив по пути детали предстоящей операции.

— Стажил? — шмыгая носом, спросил Серый.

— Аха, вот они, — Саша достал из кармана фуфайки коробок и потряс им у уха.

— Айда ещё за Петро зайдём, — предложил шкет с чубчиком и санками за спиной.

— Не, обойдётся. Нас и так спалить могут, так что скажите спасибо, что вас с собой взяли, — произнёс Санёк, пиная перед собой ледышку.

— А спички зачем? — поинтересовался другой шкет в шапке с помпоном.

— Будем жребий тянуть, как в кино. Кто струсит, тот чувырла и соплежуй до конца жизни! — задрал нос, грозным тоном заявил Серый.

Через час четверо детей дошли до разрушенной кирпичной стены, свернули за угол, отогнули кусок колючей проволоки и проникли к старой водонапорной башне.

— Я же говорил тебе, что она на замке! — посетовал Саша, приблизившись к двери.

— Не дрейфь, главное, что сугроб на месте. А внутрь через окно заберёмся... — ответил Серый, осматривая гигантскую кучу снега, которая была в два, а то и в три раза выше него.

— Может, ну их эти спички? Давай по старшинству — ты начнёшь, а мы посмотрим.

— Не-е-е, так не интересно! Делаем, как договаривались. Доставай давай, или ты трус?

— Сам ты трус! — Саша посмотрел наверх, сдвинул шапку на затылок и нехотя вынул коробок из кармана, передав его товарищу.

— Тот, кто вытянет короткую, с того и начнём!

— П... п-погодите, я варежки сниму, — трясущимся голосом бегло произнёс Помпон.

— Боится! — засмеялся Серый, а после достал четыре спички и у последней отломил половину. — Давай резче, пока трактор не приехал и нас не засекали! Или вы хотите, чтобы его отец нам уши открутил? — старший покосился на Санька.

Мальчуган скинул рукавицы и вернулся в круг, испуганными глазами разглядывая точку, с которой предстояло спрыгнуть.

— А кто тянет первый? — поинтересовался Чубчик.

— Ты спросил, ты и тяни, — Серый поднёс кулак с торчащими из него спичками к шкету напротив и ехидно улыбнулся. — Давай, чего ждёшь? Или тебе пенделя захотелось?

Малой отпустил верёвку, потянулся и вытащил одну из спичек:

— Длинная... — глаза его засияли, и он ткнул друга в бок. — Твоя очередь!

Помпон встал на цыпочки, стараясь высмотреть, какая из оставшихся может быть короткой.

— Да тяни уже!

Шкет вздрогнул, опасаясь пинка, и суетливо исполнил то, чего от него все ждали.

— Повезло... давай, Санёк, теперь ты!

Саша набрал воздуха в грудь и, чтобы не показаться трусом, немедленно вытянул жребий.

— Ха! Я так и думал, — колко бросил в его сторону Серый. Затем он разжал кулак и стал разглядывать оставшуюся целую спичку в ладони.

Саша вытер нос, бросил обломок на землю и в мгновение ока оказался под окном.

— Подсобите! — резво скомандовал он оставшейся позади троице.

Серый мигом кинулся на помощь и предложил залезть к нему на плечи.

— Чутка не хватает... — изо всех сил стараясь ухватиться за выступ, пыхтя, обронил Саша.

— Э, тащите санки! — стиснув зубы, приказал Серый.

Шкет, чьи салазки остались позади, в два счёта исполнил команду.

— Вот так! Отлично, цепляйся теперь!

Саша, стоя на плечах друга и облокотившись на стену, наконец-то смог дотянуться до проёма.

— Смотри-смотри, подтянулся! — радостно завопил Помпон.

— Тише ты, не ори! Дуйте к сугробу и ждите там. Санёк, а ты поднимайся по лестнице до самой крыши, слышишь? — произнёс Серый, стряхивая с себя снег.

— Вали уже, без тебя разберусь! — огрызнулся Саша и скрылся в недрах высокого здания.

Миновав в полумраке множество ступенек, лихо закрученных против часовой стрелки, мальчишка через некоторое время добрался до выгнутого металлического потолка, из которого торчали огромные, изжившие себя трубы. Санёк протиснулся сквозь перила и неуверенно ступил на широкий карниз, обрамляющий башню снаружи по всему периметру.

От увиденного сердце ушло в пятки: пацаны внизу казались маленькими точками, а гигантский сугроб превратился в неприглядное пятно. Зато всё село лежало как на ладони: окутанный клубами дыма рынок, золотые купола церкви, автобусная остановка и даже крыша родного дома на окраине Вязовой улицы.

«Прыгаешь или нет? — слышался тихий голос внутри. — Ещё немного, и ты чувырла и соплежуй!»

Саша попытался сделать шаг в пустоту, но ноги не повиновались, и он остался на месте, покачиваясь из стороны в сторону, словно тростинка на ветру. Колени затряслись сильнее, а руки окончательно обомлели.

«Прыгай! Прыгай! Прыгай! Прыгай!»

Одним глазком несчастный ребёнок посмотрел вниз, задержал дыхание, прицелился и... бросился вперёд, оттолкнувшись от стены. Перед глазами всё закрутилось, завертелось в головокружительном вихре, а после наступила темнота.

— Очнулся! Он очнулся... — радостно завопил Чубчик, и сию секунду все трое бросились к пострадавшему.

— Ох и влетит нам из-за тебя! — недовольным тоном произнёс Серый, осматривая друга.

— Рука болит...

— Ещё бы, ты мешком грохнулся, мы тебя еле откопали.

— Шурик, страшно было? — сгорая от любопытства, спросил Помпон.

— Не, не страшно, — отмахнулся Санёк, ещё сильнее почувствовав острую боль в правом предплечье.

— Ну-ну. Чего же ты там тогда торчал так долго?

Не дождавшись ответа, Серый продолжил:

— Проехали... идти сможешь? А то сил нет больше тебя на этих санках тащить.

Саша озлобленно нахмурил лоб и, стараясь не пустить слезу, встал на ноги, стиснув зубы. Всю оставшуюся дорогу он только и делал, что рассказывал, как круто было там, наверху.

— Слушай, не будь крысой, не сдавай меня, — произнёс Серый, когда они подошли к перекрёстку.

— Ещё раз назовёшь крысой, я тебе в морду дам.

— Смотрите-ка, кто повзрослел... Ладно, здесь разойдёмся. Вы двое дуйте по домам, а я за хлебом сметаюсь, чтобы у матери лишних вопросов не было.

Чубчик и Помпон помахали руками и побежали к своим калиткам. Серый на прощанье пожал руку и побрёл в сторону ларька, а Санёк задержался у дороги и, раздумывая о случившемся, проводил друзей взглядом. Через какое-то время он вернулся домой, рассказал старшим о том, как неудачно поскользнулся на ледяной дорожке возле школы, а затем указал на

предплечье. Спустя пару часов испуганный мальчуган сидел на больничной скамье, наблюдая, как доктор накладывает гипс.

«... и обязательно следите за тем, чтобы в рационе были творог да рыба. А вообще, мой вам совет: сварите холодец, да понаваристей — быстрее кости срастутся», — отчётливо запомнил Саша наказ мужчины в белой высокой шапочке, когда с бабушкой они выходили из травм-пункта.

На следующее утро дед принёс домой свиную голову и принялся разделять её топором. К вечеру в избе пахло варёным мясом, душистым перцем и лавровым листом. Сашеньке наказали стоять у кастрюли и снимать пенку, а старшие чистили и нарезали овощи, разговаривали, спорили, и между делом бабушка что-то записывала в блокнот. После бани разлили бульон по металлическим формам, и дед выставил их в сени...

Воспоминания резко прервались в тот момент, когда Колесников споткнулся о ступеньку, машинально спускаясь по очередному лестничному пролёту. Он остановился и сглотнул слюну, жадно пытаясь вспомнить вкус первой в его жизни ложки холодца.

Каждый будний день во время обеда Саша ходил одной и той же дорогой к Феде, чтобы развеяться. Вот и в этот раз, оказавшись у сломанного турникета, Колесников выбил костяшкой узнаваемую мелодию, толкнул ногой дверь и проник внутрь. Его друг, еле живой, сидел на стуле, приложив ко лбу бутылку воды.

— А, это ты, заходи скорее... — слабым голосом протянул Колпачок.

— Как самочувствие, стрелец? — с порога спросил Саша. Отточенными годами движениями он виртуозно включил плитку и поставил на неё чайник.

— Спать хочется, — Федя неожиданно икнул, — пить хочется... не могу я больше, осточертело всё... это место, люди вокруг, — его рука медленно потянулась к горлу. — Два дня гниёшь здесь, два дня отсыпаетесь. Всё одно... дни, недели. Ещё и Славка запропастился. Заколебало, слышишь?! Я без выходных загибаюсь совсем! Уехать бы куда, Сань...

Колесников принял задумчивую позу. Он хотел было сказать что-то умное в ответ, но, как назло, чихнул и сбился с мыслей.

— Не болей, — буркнул Колпак, открутив крышку, которая до этого момента никак ему не поддавалась.

— Сам не хворай. Ты есть-то будешь или как? — спросил Саша, заваривая чай.

— Тошнит, не видишь...

Кто-то постучал в малюсенькое окошко и перебил Федю. Воспользовавшись моментом, он жадно набросился на воду. В это же время Саша поморщился от запаха, который доносился из открытого лотка.

Отправив в себя с пол-литра жидкости, Колпачок любезно протянул товарищу вилку и с приличной одышкой произнёс следующее:

— А ты, случаем, насчёт премии ничего не знаешь? Молва разлетелась, будто перед праздниками тринадцатую дадут. Было бы славно, а то в карманах не густо. И Аньке ещё, похорошему, к Новому году надо бы чего-то прикупить, а то опять сорвётся.

— Да-да... — отмахнулся Колесников. Он безуспешно пытался проглотить пахучее рагу и сильно кривил лицом. — Ну, точно испортилось... Чего спросил?

— Про премию.

— И ты туда же, всё про то же... В печёнках сидит уже эта премия! Достали, ей-богу... Сейчас вот как встану, так и пойду к Петухову узнавать, откуда ноги растут!

— Я вообще от мужиков услышал, когда они в пятницу со смены уходили, — Федя призадумался, точно забыл, о чём на самом деле хотел спросить. — А! — хлопнул он ладонью по

лбу. — Так это что же получается, наше величество из отпуска вернулось? Я думал, мы его не раньше чем через месяц увидим!

— Во-во, я тоже думал... — Саша поперхнулся и с большим омерзением выплюнул недожёванный кусок тухлой моркови. Затем он и вовсе отодвинул лоток подальше от себя. — Слушай, Колпак, а ты как холодец готовишь?

Федя выпучил глаза, всем видом показывая, что его сейчас вырвет.

— Издеваешься? Я тебе говорю, меня тошнит, а ты про холодец спрашиваешь! У тебя мозги есть на плечах? Тьфу ты, голова, точнее...

— Голова... ножки... тут ты дело говоришь... и хвост! Конечно, как я мог про него забыть! — загадочно заговорил Колесников, уставившись в одну точку.

— Сань, прекращай! Я вообще холодец не люблю! Да и кашевар из меня так себе, ты же знаешь. Это у Аньки надо спросить, чего там да как... Пей чай лучше, пока не остыл, — ухватившись за рот, хитро подметил Колпачок, чтобы поскорее сменить тему.

Саша, всё ещё погружённый в мысли, бессознательно взял в руки гранёный стакан, обжёгся и тотчас же воскликнул:

— А насчёт уехать, ты прав... и неправ одновременно! С одной стороны, я тебя понимаю. Самому осточертело всё до белого каления. А с другой... эх, была бы возможность, я бы здесь каждый угол в порядок привёл. Мне вот село наше вспомнилось, когда я в детстве на водонапорку забрался. Как же красиво было, а... А сейчас что? Куда ни глянь — одна грязь да разруха. Башня и та упала, — на этих словах Саша тяжело вздохнул. — У тебя к чаю есть чего?

Недоумевающий Федя окончательно протрезвел и, не раздумывая, протянул последнюю вафлю, достав её из закровов.

— На вот, держи... Слушай, я ведь не рассказал тебе про ночника нового, — в очередной раз Колпак попытался сменить тему.

— Который страшнее Кузьмича?

— А ты откуда знаешь?!

— Мысли читаю!

Федя выронил бутылку из рук.

— Да шучу же, господа! Выкладывай давай, чего выяснил, пока обед не кончился, — Колесников, поглядывая на часы, запил чаем желанную вафлю.

Колпак на всякий случай ущипнул себя посильнее и, убедившись, что всё это не сон, начал рассказ:

— Иван Васильевич... Кхм, зовут его Иван Васильевич. Фамилия — Перевозчиков. Мы, когда пили, я даже не знал, как к нему обращаться. Он вроде представился, а я забыл в тот же миг. Потом стыдно... да нет, страшно было переспросить. Так вот, Валя шепнул сегодня, что кликуха у него Грозный, и рассказал заодно, кто он да откуда...

До конца обеда Федя во всех деталях успел описать своего нового сменщика и пересказать то, что он узнал от Пряникова. Саша же самым внимательным образом выслушал друга, собрал вещи и с задумчивым видом поспешил обратно в цех.

— А насчёт холодца... о-ой... заходи завтра вечером, если силы будут. Посидим за столом, поговорим по-человечески уже. Старика помянем! У нас, кстати, твоя любимая сельдь под шубой намечается! Сегодня только не приходи, сегодня с Анькой ругаться будем, — на прощанье крикнул Колпачок.

Снег, впервые за долгое время, прекратил валить с неба крупными хлопьями, поэтому идти обратно было в удовольствие. Наслаждаясь редким солнцем, пробившимся сквозь облака,

Саша наткнулся на местных бродяг, ошивающихся у обочины. Грязные, ободранные и истощённые псы с недоверием смотрели на проходившего мимо человека.

Колесников остановился у пожарного щита, достал из-за пазухи злосчастный лоток и, немного погодя, вывалил остатки обеда на тропинку перед собой. Собаки мигом сорвались с места и стали вынюхивать наперебой, что же даровала им судьба.

— Ну вот, даже вы носы воротите, — проворчал Саша, наблюдая, как стая повернула назад, так и не притронувшись к еде...

Оказавшись в цехе и стряхнув с галош налипший снег, старший смены решительно зашагал к начальству, минуя длинный коридор имени бабы Зины. К этому времени лужа клея исчезла, а окно было украшено снежинками до самого верха.

«Погоди! Не идти же в самом деле к Петухову с посудой, — промелькнуло в голове у Колесникова. — Да лучше вообще к нему не соваться! Не появлялся на работе три недели, и всем хорошо было. Зачем вернулся, гад? Сейчас пресмыкаться придётся, про премию спрашивать».

Саша закипел и даже не заметил, как оказался у больших дверей с пустыми руками.

Секретарши не было на месте, однако в приёмной горел свет, а из кабинета доносилось едва уловимое пыхтение.

Переступив с ноги на ногу и немного придя в себя, Колесников настойчиво постучал кулаком и зашёл внутрь. В этот момент массивная мужская фигура с выпирающим наперёд животом неуклюже тянулась к верхней полке шкафа.

— А, Санёк, это ты... Залетай скорее и дверь за собой закрой, не сквози, — обернувшись, произнёс начальник. — Ты, наверное, насчёт премии зашёл узнать? Не будет никакой премии, так мужикам и скажи, — не сделав ни единой паузы, Никита Валерьевич с красивой бутылкой в руках плюхнулся в большое кожаное кресло.

Саша опешил то ли от того, что начальник заговорил о премии первым, то ли от того, что её в действительности не будет.

— Никит, праздники же на носу, — с трудом выговорил Колесников, застряв в дверном проёме. — Слухи по всему комбинату разползлись уже.

Петухов снисходительно помахал рукой, предложив поскорее сесть с ним за один стол.

— Ну да, такое ни догнать, ни поймать... поэтому передай всем вот что, — начал было он. — Ты запоминаешь? Запоминай! Денег нет... — директор почесал нос, выковырял что-то из ноздри, рассмотрел на свету и только потом продолжил. — Нужно немного потерпеть, следуя намеченному курсу. В следующем году, дай бог, наладится всё, а там посмотрим...

В это же мгновение раздался приятный слуху хлопок.

— Что мы всё о мирском? Давай выпьем лучше. Зацени, какой я ром привёз, — Никита Валерьевич поднёс нос к горлышку и с наслаждением втянул аромат алкогольного напитка.

— Никита, во-первых... нет. Эм-м, во-вторых, рабочий день ещё не закончился. А в-третьих, почему я должен всем говорить, что денег не будет? Ты главный, ты и рассказывай, — не обращая внимания на бутылку, сердито сказал Саша.

— А что ты мне тыкаешь? Ты на работу опоздал сегодня? Опоздал! За хряком не уследил? Не уследил! — Петухов защёлкал пальцами, пытаясь вспомнить имя погибшего. — Как его там... ну ты понял, короче. Вот теперь и объясняйся перед остальными ты, а не я. Или ты забыл, кто тебя на это место поставил? Хорошо ещё, что я в пятницу решил выйти, а вот тебя я так и не встретил.

«Не хряк, а боров! Тоже мне директор мясокомбината», — подумал Колесников, но поправлять начальника не решился, да и насчёт прогула возразить ему, в общем-то, было нечего.

— Что, язык проглотил? Вот не надо было меня про премию спрашивать, аж давление подскочило. Давай выпьем лучше, легче станет и тебе, и мне, тем более повод есть... — на этих словах начальник одной рукой ловко вытащил из-под стола две стопки.

— Никит, ну правда, рано же ещё...

— Уясни себе раз и навсегда: когда начальник предлагает, то отказывать нельзя. Объявляю предпраздничное совещание! Да ты пригуби! Пригуби для начала, сразу пожалеешь, что так долго оттягивал! На вот смотри, что у меня есть... — Петухов интригуяще прокрутился на кресле и достал с ближайшей полки альбом небольших размеров. Затем он положил его в раскрытом виде перед Сашей и заулыбался.

— Это что такое? — сухо спросил Колесников, не глядя в страницы.

— А ты глаза-то опусти! — Никита ткнул пальцем в определённое место. — Сотый раз смотрю и всё давлюсь со смеху. Ты какой-то лысый в первом классе, а это я, с машинкой в руках. Колпак так вообще за класснухой затерялся, одно ухо торчит. Хотя какой он тут Колпак? Чернуха чистой воды! Я вообще забыл, когда к нему эта кликуха-то приклеилась?

— В четвёртом... — на лице у Саши отпечаталось искреннее удивление. Он пододвинул альбом ближе и с живым интересом рассмотрел фотографию, на которой в два ряда выстроились первоклашки, а в центре стояла Валентина Васильевна.

— Тогда отматывай к четвёртому, тут все классы есть. Мать, оказывается, хранила альбом на чердаке всё это время, а я про него и знать не знал... — Никита сглотнул слюну, не скрывая желания поскорее выпить.

Колесников перелистывал страницы одну за другой, ощущая, как в груди щемит сердце.

— О-о-о, а это мы в девятом! — Никита вновь защёлкал пальцами. — Я твою кривую чёлку до сих пор забыть не могу. Ха, а вон Колпак уже на человека стал похож. Остальных пацанов только жалко... Антохе по дыне дали... Витёк в аварии помер. Стаса вообще потеряли, а Тёмыч, говорят, до сих пор сидит. Вот и Ленка моя! Красивая была, да? Уже тогда выглядела на все двадцать. Я, кстати, развожусь с ней, говорил тебе?

Саша пропустил последние слова, так как засмотрелся на Лену, вспоминая, как она проспорила ему поцелуй на заднем дворе школы.

Петухов отрезал шмат сала, положил его на корку хлеба и выставил руку со стопкой:

— Давай за всех наших чокнемся!

— Как разводишься?! — чуть ли не крикнул Колесников.

— А-а-ай, надоело, Сань. Надое-е-е-е-ело! — протянул Никита, почесав живот в районе пупка. — С каждым годом всё хуже и хуже. Я тут кикиморой её обозвал за то, что она мне в очередной раз все нервы вытрепала, так после эта дура вообще осатанела в край и чуть не прибила до смерти. Чего ей надо, поди пойми? Я каждый день мясо свежее с работы домой приношу, а она всё недовольная ходит!

— Действительно... — ухмылка проступила на лице Саши. Его сознание всё ещё было далеко-далеко, а если быть точнее — в тени подсобки, у чёрного входа учебного заведения.

— Короче, лопнуло терпение, сбежал я куда подальше. Купил билеты на самолёт и взял Таю с собой, не раздумывая.

— Кого?

— Секретарша моя новая. Глянь, на помароит нас шёлкнули. Видал когда-нибудь помароит-то? — Петухов достал из внутреннего кармана жилетки небольшую прямоугольную фотографию. На ней был запечатлён он в одних плавках и девушка в узеньком купальнике, а на заднем фоне яркими красками переливалось море в лучах закатного солнца. — Ты посмотри на её ноги — длиннющие! Груды — пышные! Тебе такое даже и не снилось! А волосы, волосы, а! Густые, рыжие... М-м-м! Смотришь на неё, а она вся пылает! Соблазнила меня, чертовка. Я тебе по секрету скажу... ну-ка, наклонись ближе! Иногда такие слова мне на ухо шепчет, что

даже я краснею, — директор говорил тягуче, пощипывая кадык. — Взаимовыгодный обмен, Сань: у неё фигура, а у меня комбинат. Сечёшь?

Колесников держал необычную фотографию и любовался стройным женским телом. Вдруг он схватил стопку, поднёс к губам, выдохнул и выпил горючее залпом.

— Са-а-аня! Охренел, что ли? А я!?! Куда ты без меня-то полетел?

Прикончив вторую бутылку рома, Саша уже стал забывать, зачем он пришёл к шефу. Зато в голове, будто сама собой, сложилась мысль, как раздобыть свиную голову и ножки.

«Не забудь... Запиши...» — в рассеянности повторял про себя Колесников.

Петухов продолжал рассказывать про палящее солнце, море, увлечение Тасей и их совместное путешествие по «острову свободы». Саша, конечно, никогда не был ни на море, ни тем более на таком острове, но спустя пару часов бесконечных историй у него сложилось впечатление, что всё же когда-то он успел там побывать. К тому же Никита, окончательно перебрав с горючим, стал повторяться, а затем и вовсе путаться в показаниях.

— погоди, остановись на секунду и скажи мне, как друг. Ты холодец любишь?! — Колесников прервал пущенный уже по третьему кругу рассказ начальника.

— Холодец? Хм... А давай за пельменями свистнем кого-нибудь из наших. Сало закончилось, а жрать только ещё больше захотелось.

— Ну какие пельмени? Я тебя про соло... солодец спрашиваю, — Саша икнул, а затем опрокинул стопку, закусив выпитое яблоком. — Холодец, блин!

Судя по глазам Петухова, он явно забыл суть вопроса, не понимая, чего от него требует подчинённый. В конечном счёте круглая голова начальника, словно пудовая гиря, рухнула на стол с оглушительным грохотом.

— Ха-а-а! съемпре, команданте! — спустя несколько секунд он навзрыд пропел что-то непонятное, а после в кабинете раздался жуткий захлёбывающийся храп.

Колесников бросил взгляд на Никиту и ненароком обратил внимание на позолоченные часы, выступающие из-под манжеты его вязаного свитера. Недолго думая, Саша подтянул к себе обмякшую руку, пытаясь сфокусироваться на плавающих стрелках циферблата.

— Бляха-муха! — старший смены резко отодвинул стул, издав пронзительный скрежет.

Петухов всхрюкнул:

— Забор! Слышь, это... забор... — защёлкал он пальцами. — За новый забор ещё же не выпили!

— Да какой к чёртовой матери забор! — Саша направился к выходу, пошатываясь и поправляя сбившуюся набекрень белую шапочку. — Мне, в отличие от тебя, на смену вставать.

— А-ай... Санёк! Ты меня уважаешь? — Никита неожиданно выпрямился и заговорил самым что ни на есть твёрдым голосом. — Да погоди ты, чего подорвался, как угорелый? Я тебе завтра отгул дам, потом отработаешь как-нибудь. Остановись, предложение есть!

— Не, хватит с меня. Не могу я больше твой ром пить...

— Да я не к тому... короче... — Петухов замялся, подбирая слова. — Тая... она такая... знаешь... ну, все уши уже прожужжала про Новый год. Скучно ей, видите ли, со мной. Вот я и подумал: а давай мы к вам заскочим перед курантами? Посидим все вместе! И потом пусть эти бабы о своём, о бабском, потрещат, а мы с тобой выпьем за старое, в картишки перекинемся, по сигаре выкурим. Знаешь, какие я сигары привёз? Ё-ё-ё, закачаешься! В общем, выручай, Санёк! Кроме как к тебе и идти ведь не к кому.

— Никит, мне ещё про премию всем сообщить надо, помнишь? — Саша застрял перед выходом, пытаясь справиться с круглой дверной ручкой. — Да и дожить бы ещё до этого Нового года, — Колесников отмахнулся на прощанье.

— Ага, вот и славно. Слышь? Премию ты получишь, раз на то пошло! — произнёс Петухов, доставая третью бутылку.

Саша вынырнул из душевного кабинета и, чувствуя усталость, медленно поплёлся в сторону раздевалки. Волоча ноги по мрачному коридору, он вдруг заметил, как лица лучших сотрудников пристально наблюдают за ним со стены, шушукаясь за его спиной. Один из них даже осмелился спросить:

— Где премия, Колесников?!

Ледяная дрожь пробежала по всему телу старшего смены. От накотившего страха он зажмурился и, сжав кулаки, бросился прочь, буквально нащупывая дорогу перед собой. Кое-как добравшись до контрольного журнала, Саша в бреду стал беспорядочно ставить галочки и подписи на случайных страницах, после чего он смёл документ в сторону и ринулся переодеваться.

Какой же это был ад!

Сначала Колесников запутался в халате, пытаясь его снять. Затем, стягивая галошу, он потерял равновесие и упал, ударившись головой о скамейку. Обрушив на несчастную крепкий, забористый мат, Саша поднялся на ноги и наконец-то натянул на себя свитер, моментально почувствовав, как тысячи невидимых иголок впились ему в плечи, живот и спину.

Надев овечью шубу и бобровую шапку, Колесников ощутил, как ром подступил к горлу, а стены квадратной комнатки сблизилась настолько, что, казалось, ещё немного и они замкнут его в тиски. Из последних сил Саша вышиб ногой дверь и сломя голову побежал к выходу. На улице, от тошноты и головокружения, он свалился в ближайший сугроб и, к своему облегчению, смог глубоко вдохнуть и лечь на спину. Приятная морозная свежесть мгновенно пленила тело и разум.

Свист разыгравшейся метели странным образом зазвучал со всех сторон.

— А ты не трепли меня за нос... — пробормотал Саша в ответ и еле-еле приоткрыл глаза. Едва привидевшийся ему наваристый холодец превратился в морду бродячей собаки, шершавый язык которой усердно слизывал снежинки с лица человека.

— Фу... фу-у-у, кому сказал! — почувствовав что-то мерзкое, Колесников закричал, размахивая руками.

Голодный пёс, получив внезапный удар под рёбра, заскулил и тут же рванул обратно к своим, в стаю.

— Пошли прочь! — Саша разъярённо гаркнул на облезлую троицу за спиной.

— А ну, покажись, кто орёт, не то зашибу! — из непроглядной темноты неожиданно выплыл поджарый старик то ли с дубиной, то ли с веслом в руках.

— Свои, — с треском в голове отозвался Колесников. В едва мерцающем жёлтом свете фонаря он узнал ночного сторожа, о котором ему давеча поведал Колпачок.

Со слов Феди, Иван Васильевич был стариком сугубо мрачным и суровым в общении. За жуткий, внушающий страх голос там, откуда он был родом, его величали кратко и ясно — Грозный. Редкие люди, имевшие с ним дело, впоследствии непременно отмечали пробирающую до мурашек хрипоту и соответствующую внешность: поредевшую седую бороду, впалые скулы, спутанные пряди включенных волос, рытвины на коже и, что самое главное, кричащий обрезок чёрного сукна на правой стороне лица. И не приведи Господи какому-нибудь случайному нелепому мальчишке на улице заикнуться или чего хуже, прямо спросить о непонятной, грубо сшитой повязке, как он мигом огребал палкой по носу, шее и мягкому месту в придачу.

Говорят, глаза Перевозчиков лишился ещё в юношестве, во время шальной стычки со шпаной с «бетонки». Так оно или не так, никто толком уже и не знает, но если верить общей

молве, то дело было неподалёку от сортировочной станции, где сидевшие как минимум раз в месяц сгружали вагоны с песком или древесиной... Хотя... может, и у тупика заброшенной узкоколейки... Впрочем, это не так важно. Значимо другое!

В жаркий июньский вечер толпа местных пацанов сошлась с непрошенными гостями на железнодорожных путях. Среди своих, то есть местных, был и Ванька Перевозчиков, да не просто был, а толкался в первых рядах. Местные, то есть свои, живо взяли чужаков в кольцо, но неожиданно-негаданно получили шебёнкой в ответ. Ахнули и те, и другие. По злему року судьбы один из камней угодил самому высокому первокурснику точно в правое око, отчего фонтан кровавой жижи окропил заросшие бурьяном шпалы и рельсы.

Правда ли это, вымысел ли, но, не обращая никакого внимания на увечье, Иван со всей дури бросился к обидчику и вмазал вражине с такой силой, что тот ничком свалился наземь, более не подавая признаков жизни. Дело тогда замяли без лишних хлопот, подперев им короткую ножку шатающегося стола районного прокурора, но вот в училище только и разговоров было, что о черепе, расколотом одним ударом, да о появившейся ватной заплатке на голове их сверстника.

Из-за этого, а может и из-за чего другого, но день ото дня злоба и раздражение всё сильнее поражали молодое сердце Перевозчикова. На любые шутки и комментарии в свой адрес он стал отвечать исключительно вспышками ярости, вовсе не задумываясь о последствиях.

Последним ударом для надломленной души явилась летняя практика, на которой Иван слепо влюбился в голубоглазую красавицу его возраста. Каждый день он приходил к двум колоннам, чтобы тайком понаблюдать, как она ухаживает за цветами в столовой «РЫБПРОМ-КОМа». Не зная, как и о чём заговорить с девушкой в хлопковом платье, влюблённый юноша лишь истязал себя разными мыслями, но так и не решился подойти, стыдясь собственного обличия.

Именно с тех пор Перевозчиков начал испытывать лютое презрение не только к окружающим, но и к самому себе. Пытаясь скрыться от посторонних глаз, он бросил учёбу и устроился ночным сторожем на единственную в округе лодочную станцию. Там Иван проработал до самого закрытия, после чего в той же должности перебрался на кладбище, где и получил своё говорящее прозвище.

А уже спустя тридцать лет Грозный оказался здесь, в Мясном Бору, на «МЯСОКОМБИНАТЕ №2» вместо Кузьмича. По крайней мере, именно так звучала легенда из уст Колпака, которую ему сегодня пересказал Пряников.

— Ты кем будешь? — крепче сжав в руках дубину, угрожающе спросил сторож.

— Да говорю же, свои...

— Зубы-то мне не заговаривай! Отвечай быстро — кто и откуда!

— Старший смены первички, Колесников, — стуча зубами от холода, отчеканил Саша.

— Колесников... Колесников... А-а, вот кто ключи не сдал, — Иван Васильевич ослабил хватку и сделал шаг вперёд, к свету. — Дай погляжу хоть на тебя. Замёрз, поди?

— Ерунда... — отмахнулся Саша, попутно размышляя о том, сколько он проспал и который сейчас час.

— Повезло, что откликнуться успел. А то так бы и двинул не глядя. Не положено по ночам в сугробах валяться!

«Не, не дубина...» — подумалось Колесникову, и в это же мгновение он прикусил язык от пронизывающего насквозь жуткого голоса мрачного старика.

— Давай, марш на проходную, а то продрогнешь до смерти. А это тоже не положено.

— Саша... — кое-как стянув с себя варежку, протянул трясущуюся руку Колесников.

— Иван, — скупое ответил Перевозчиков и, опираясь на палку, скрылся из виду. — Не отставай, — его хриплый голос донёлся эхом из темноты.

Через несколько минут Саша доковылял до турникета, обстучал валенки и, невероятно измотанный, попросился в сторожевую. Грозный уже сидел на стуле, окутанный дымом раскуренной трубки.

— Чай в термосе. Наливай, грейся и ступай отсюда, пока не поздно. Главное — ключи сдай! А и швабру там возьми, протри за собой. Впредь будешь знать, что всё здесь должно быть в чистоте и порядке. Понял? — произнёс Перевозчиков, не отрывая глаз от чтива.

Колесников сел ближе к обогревателю, залпом выпил две чашки какого-то крепкого отвара, потёр ладони, повесил связку на гвоздь и, не прощаясь, молча направился к выходу.

Луна вышла из-за облаков в тот самый момент, когда Саша оказался по другую сторону сплошного серого забора. Яркий дивный свет моментально отразился в белоснежных сугробах, смешавшись с красным оттенком вывески. Привычные очертания обочины сразу заиграли новыми красками, переливаясь то голубым, то серебристым отблеском. Осмотревшись по сторонам, Колесников выдохнул, выпустив изо рта клубы пара, и лишь после этого поплёлся в сторону Вязовой улицы.

Добравшись до перекрёстка, он наудачу перешёл дорогу и, ускорив шаг, вскоре очутился у ворот родного дома.

Просунув ладонь между деревянных столбиков, Саша не с первой попытки поддел крючок и отворил калитку. Чаплин впервые за всё время не выбрался встречать хозяина...

«Интересно девки пляшут», — подумал Колесников, проходя мимо конуры.

Стянув с ног промокшие насквозь валенки, Саша уловил звуки до боли знакомого храпа. Затаив дыхание, он на цыпочках нырнул из передней в ванную, скинул с себя вещи, наспех умылся ледяной водой и с хрустом прогнул поясницу в разные стороны. С каждой минутой, проведённой в тепле, тело Колесникова всё больше изнывало от усталости, а кости буквально просились наружу.

— Пора, — прошептал он и аккуратно отворил дверь в спальню. Жёлтый свет уличного фонаря моментально полоснул по лицу.

— Скотина! — раздался истошный женский вопль.

— Ой, давай вот без моих профессиональных терминов обойдёмся, — уже не церемонясь, Саша рухнул в кровать так, что матрац завопил всеми пружинами.

— Ты где был? Я что, по-твоему, одна тут должна по дому всё делать?!

— На острове... — зевая, протянул Колесников.

— Чего?!

— Чего-чего! — передразнил Саша жену. — Спросила, где я был, вот и отвечаю. Был на острове с пляжем и пальмами, на которых кокосы растут.

— Ты вконец свихнулся?

Колесников легонько засмеялся.

— Смешно тебе? Всё ехидничаешь, да? Свинья нерадивая! Я же сразу почувствовала, что ты опять пьёшь где-то! Ну, погоди у меня, погоди! Посмотрим потом, кто последним смеяться будет, раз ты слов нормальных не понимаешь!

Колесников по привычке повернулся на бок, и едва он обратился к овцам, как этот мучительный для него день закончился.

Глава вторая

Провалившись в глубокий сон, Саша снова погрузился в странное. На этот раз он находился в кругу свиной, которых везли в закрытом кузове грузовика. Когда машина остановилась и кто-то из рабочих стянул тент и откинул борт, Колесников сразу же узнал стены родного мясокомбината. Неподвластным ему движением он вместе с другими боровами спустился на землю...

Оказавшись в одном из загонов, Саша принялся бродить вдоль забора, пытаясь найти выход, но, повинуясь инстинкту, он остановился у поилки, чтобы напиться. Колесников склонил голову к корыту, и в мутной воде проявилось отражение поросычьей морды. От вида зачуханного рыльца и обвисших ушей старший смены хотел было заорать, но вместо этого, кажется, лишь несколько раз хрюкнул во всю глотку.

Через пару секунд кто-то больно врезал по голени деревянным прутиком, из-за чего Саша взвизгнул как резаный и помчался куда глаза глядят. Вот тут-то его и подловил подлый конопатый парнишка со щитом в руке, постепенно оттесняя к выходу.

Колесников очень хотел проснуться, но никак не мог, поэтому, оставаясь свиньёй, он просто решил упасть на бок, притворившись мёртвым. По спине и брюху ещё с десятков раз прошлись розгами, после чего раздался некогда любимый женский голос:

— Ильич, поспеши, эту тварь прямо здесь глушить будем!

От таких слов Саша нервно завилял хвостом, приоткрыл один поросычий глаз и, сжимаясь от страха, стал подглядывать за происходящим. Не успел он хрюкнуть от изумления, как женская фигура, покрытая чешуёй, нависла над ним с налитыми от ненависти кровью глазами.

— Надоел ты мне, скотина! — грозным тоном произнесло чудище, поднося электрические щипцы к шее...

Колесников подпрыгнул в постели. Сердце отчаянно колотилось, а жар разрывал плоть изнутри. Всё ещё ощущая себя пятаком, он со всей дури шарахнул по будильнику, вскочил на копыта и пулей вылетел из спальни. В два скачка Саша миновал сени, вырвался на улицу и, не раздумывая, сиганул с крыльца в ближайший сугроб. Сопровождая руганью каждое движение, Колесников растёр снегом тело с головы до пят, хватая ртом морозный воздух... Через несколько минут он вновь почувствовал себя человеком.

Возвратившись в дом, Саша с опаской посмотрел в напольное зеркало и на всякий случай хорошенько прощупал нос, щёки и уши. Не обнаружив на лице ничего лишнего, он выдохнул весь воздух, сколько его было в лёгких, оделся и побрёл на кухню.

— Опять ты! — Колесников чуть было не перекрестился при виде жены, которая сидела за столом и нервно покусывала ногти. — Чего встала-то?! — произнёс муж с одышкой.

— А ты думал, что вломишься с перегаром посреди ночи и я тебе спасибо скажу, да в лобик поцелую? Ладно бы ещё спал потом как убитый, так нет же, гад ползучий, вечно вертишься, как на сковородке, и орёшь, точно полоумный. Чёрт бы тебя побрал!

— Погоди... так... это ж ты мне приснилась! — невольно проверив шею, парировал Саша.

— Идиот! Сколько ты меня изводит ещё собираешься?

Колесников зажмурился, постоял пару секунд, затем протёр глаза, но жена никуда не делась.

«Изыди...» — насупившись, Саша обтёрся вафельным полотенцем и стал искать спички.

Спустя некоторое время огонь с неистовой силой вспыхнул на большой конфорке.

— Думаешь, тебе всё с рук сойдёт? Помолчал, и словно ничего и не было? — недовольным голосом продолжила задавать вопросы жена.

— Ну чего шарманку завела свою?! Выпил с горя. С кем не бывает?

— И какое же это ГОРЕ у тебя случилось? — с издёвкой произнесла она, ёрзая на стуле, как на иголках.

Колесников замаялся. Ему на миг показалось, что тиканье настенных часов прекратилось, а стрелки, хоть и подёргивались, но всё равно оставались на местах.

— Ильич на выходных помер! — не сообразив ничего лучше, Саша ляпнул первое, что пришло в голову.

Жена ахнула.

— Как помер?! Дева Мария, пресвятая богородица... сердце? — краска покрыла её бледные щёки.

Колесников медленно улыбнулся, почесал мокрую макушку и тут, как нельзя кстати, протяжно засвистел чайник.

— Оторвался, говорят... этот, как его...

«Тромб».

— Тромб!

— Ой беда... не такой уж и старый мужик был, царство ему небесное! — она перестала покусывать ногти, но вместо этого задёргала ногой под столом. — Ладно... ты это, слышь, отпросись завтра на работе, скажи там своим, что задержишься с утра.

— Это ещё зачем?!

— Поедешь на станцию, мать заберёшь с поезда.

— Не понял...

— Она поживёт у нас, пока праздники не закончатся.

Колесников застыл, не зная, что и ответить. Каждая новая фраза жены была хуже предыдущей.

— Что ты встал, как истукан?

Саша пропустил вопрос мимо ушей и с задумчивым видом нарочито осмотрел кухню.

— Колесников, ты оглох? Скажи что-нибудь!

— Никита с Леной разводятся... — сам того не ожидая, тихо произнёс Саша, будто кто-то дёрнул его за язык. После этого он резко отвернулся, разбил два яйца на сковородку и залил травы кипятком.

— Я тебе говорю мать завтра в шесть со станции заberi и привези домой! — вспыхнула жена. — И ещё... э... на, вот деньги. Сегодня же идёшь к Дмитрию Ивановичу, в порядке живой очереди он тебя закодирует. Я с ним обо всём договорилась, — трясущимися руками она достала из-под скатерти полторы тысячи и всучила их мужу.

— Может, ещё станцевать перед тобой?

— Какой же ты дурак, а! Дурак... даже не жалко тебя, ей-богу! — чуть ли не со слезами на глазах она прикусила губу.

— Чего ты заладила, всё дурак да дурак... знаешь же, что не пойду я к шарлатану этому. Одно и то же из раза в раз!

— Домой тогда можешь не возвращаться, если не закодируешься! Достал! Хочешь, как твой отец, под забором сгинуть? Или хочешь мне очередной праздник испортить? Мало тебе за всю жизнь было?

— Зачем ты про отца опять? Просил же!

— Намайлась я с тобой, Колесников. Совести у тебя нет...

— На, забирай! — Саша попытался сунуть деньги обратно. — Из-за бредней твоих вдрызг опоздаю... вон, яйца уже пригорели!

При виде купюр жена как ошпаренная шарахнулась в сторону и вдруг резко сменила тон:
— Сашенька! Родненький! Клянусь, если к Дудкину сходишь, то я от тебя отстану и с баней, и с яблоней, и с полами, и с холодцом твоим, прости, господа!

— Че-е-е-его? — протянул с хохмой Саша, не веря ушам своим. — Кто... ты? Клянётся?

— Крест даю! — жена сдула с губ растрёпанные волосы, перекрестилась и поправила ночнушку.

— Даже так?! Ну, так может заодно и по утрам меня доставать больше не будешь? — ехидно подхватил муж.

— Не буду! Сделай хоть раз, что я тебя прошу, и живи как вздумается! Да и деньги всё равно мои, чего тебе терять?

Колесников почесал репу.

— Мужики узнают, засмеют... — буркнул он под нос и следом улыбнулся во все оставшиеся двадцать три зуба. — А давай! — сжав кулак, Саша лихо хватил рукой в воздухе полукруг. — Только ведь пожалеешь потом.

— А это уже моё дело! Ты только сходи, а если обманешь — хуже будет, так и знай! И про мать не забудь!

— Забудешь её, как же... Могла бы хоть спросить меня для начала, хочу я её тут видеть или нет. Да и вообще, я же не доеду до станции...

— Доедешь! До рыбалки доезжаешь, вот и до станции доберёшься! Ты мужик или кто в конце-то концов?

Жена пристально посмотрела на мужа, съёжилась и поспешила обратно в спальню.

Озадаченный таким сюжетным поворотом, Саша растерянно посмотрел вслед улетающей ночнушке. Вздрогнув от характерного хлопка дверью, Колесников взглянул сначала на деньги, потом на шкворчащий, подгоревший завтрак и, наконец, на кружку с чаем, который, по всей видимости, уже остыл.

Вьюга разгулялась на Вязовой, и пробираться сквозь сугробы стало ещё труднее, чем вчера. Саша подошёл к будке и отодвинул от входной дыры обрезок тёплого одеяла. Собака неподвижно лежала на сене, спрятав нос в пожухлую траву.

— Чего носопырку спрятал и не встречаешь? Не замёрз, надеюсь?

Услышав знакомый голос, Чаплин легонько завилал хвостом, затем приподнял морду и посмотрел на человека большими глазами.

— В спячку впал? Понимаю, сам такой. Ладно, не горюй... — Колесников потрепал четвероногого за ухом и направился к калитке.

Сторожевой пёс неторопливо выбрался из конуры и, побрякивая цепью, забрался на крышу, чтобы почесать лапой за ухом и проводить хозяина тоскливым взглядом.

Как-то раз, во время обеда, Колесников, по пути к Феде, слышал озлобленный собачий рык. Завернув за угол консервного цеха, старший смены стал свидетелем того, как два бывалых, облезлых пса загнали в тупик щенка, потрёпанного и ужасно худого. Чёрно-белый малой скалил пасть, а его преследователи, разразившись громким лаем, вот-вот были готовы наброситься на сородича, лишь бы отобрать кость, которую он, по всей видимости, у них умыкнул.

Осмотревшись и не найдя под ногами ничего более подходящего, Саша вскинул руки, выругался и со всей силы запустил в поднявшееся облако пыли и грязи металлическую кружку.

Заметив человека в фуфайке, шайка брызнула слюной и неспешно ретировалась, скрывшись в проёме высокого железобетонного забора.

Щенок же остался сидеть на месте. Несмотря на порванное ухо и глубокие раны, он смотрел на спасителя проникновенным взглядом, не издавая ни звука. Его бока, брюшко и часть хвоста были покрыты густой белой шерсткой, которая изящным рисунком разбавляла чёрный окрас. Кличка Чаплин родилась сразу сама собой.

Предавшись воспоминаниям, Колесников вовсе не заметил, как оказался на проходной. Он стяхнул с себя налипший снег, ловко перепрыгнул через крестовину заклинившего турникета и постучался к Колпачку в его каморку.

— А-о-о-оу... — донеслось изнутри что-то мучительное.

Старший смены разом распахнул перекошенную дверь, застав Федю, стоящего с запрокинутой к лампе головой.

— Хорошо, что ты вчера не пришёл, а то бы тоже под горячую руку попался! — жалостливо произнёс охранник, пытаясь содрать со лба зелёный пластырь.

— Сковородкой?

— Чугунной, — прискорбно пояснил Федя, потирая ладонью приобретённую накануне здоровенную шишку. — Я ведь в этот раз даже извинился, а она всё равно за неё схватилась. И самое обидное знаешь что?

— Что?

— Так мне и надо!

— Тоже мне, удивил...

— Да ты взгляни на меня! Я же никто, обормот, у которого за душой пусто. Петлю на шею накинуть и то смелости не хватает.

— Ой, не-е-е... заканчивай давай, сколько можно!

— Заканчивать? А я ещё не начинал! Вот послушай... Когда Анька чугунием замахнулась, у меня перед глазами замедлилось всё, и жизнь по щелчку пролетела, да только не уловить её было: хлоп — мать, батя. Хлоп — школа, футбол на навозном поле. Помнишь, как я у Барабанова гол украл на самой линии, а он потом настучал на меня из-за зависти?

Колесников отрицательно качнул головой.

— А я помню! Помню, представляешь?! Только бах — и всё, снова окошко это паршивое. И что имею? Работа без выходных да грызня дома по любому поводу! Ой, Саня, вот возьму и уеду далеко и надолго... как пить дать!

— Как пить дать? Ха! Так сейчас уезжай, чего тянуть-то?

Федя замялся, сбавив обороты своей решительности:

— Думал... это... понедельника дожидаться, чтобы с чистого листа начать. Или, ещё лучше, с нового года!

— Эх ты, ноги в руки и вперёд, с песней. Давай, пока нет никого!

— Легко тебе говорить, да только куда мне податься? — Колпачок весь покраснел. — Я дальше Заболотного толком-то и не был нигде.

— А ты хвати сразу далеко. Скажем... за границу!

Федя шикнул и почесал бочину.

— Ещё чего! Там же одни нелюди и антихристы, ты что, ящик не смотришь? Да и что у них там есть такого, чего у нас нет?

Саша скривил лицо и пожал плечами.

Помолчав немного, Колпак продолжил:

— Да без толку это всё, кому я нужен? Ты айда лучше к нам сегодня, в шашки порубимся. Аньку заодно про холодец спросишь, глядишь, она и обидки забудет ненадолго!

— Федь, пора мне. Ключи я забрал, запиши...

Колесников вышел на улицу и в свете фонаря наклонился к земле. Собрав в ладони достаточно снега, он слепил идеальной формы снежок, откусил от него четвертину и запустил остатки в сторону железнодорожных составов. Почувствовав, как во рту образовалась талая вода, Саша воодушевился, сгрёб в руки ещё больше снега и принялся старательно утрамбовывать его со всех сторон, пока не получился ком заметно крупнее предыдущего.

В этот же момент старшему смены закружилась в голове интересная мысль. Он подался назад, открыл первую дверь, вторую, и, словно ворвавшийся ураган, запустил снежком в страдающего бездельем охранника. Не дожидаясь реакции, Колесников на всех парах рванул обратно к своему цеху и остановился лишь у входа, чтобы отдышаться. Холодный воздух обжигал горло, но на лице впервые за долгое время играла искренняя улыбка. Разогнув спину, Саша всмотрелся вдаль, учащённо втягивая воздух в лёгкие.

Вдруг прямиком из темноты с неумолимо надвигающимся свистом ему, точно в лоб, прилетела ответная вспышка. Бросок был такой силы, что Колесников тотчас растерялся, качнулся и бухнулся в сугроб. Следом из небытия выскочил радостный Федя. Он потрепал друга за шапку, сопроводив победу восторженным криком. Саше только и оставалось, что обтереть щёки снегом, чтобы оправиться от оглушительного удара.

— Видал? Вида-а-ал?! С первого раза в яблочко! — завопил Колпак.

— Ты это... лучше помоги встать, — притворяясь полностью обескураженным, протянул Колесников.

Федя, как ни в чём не бывало, нагнулся к товарищу, наивно протянул руку и тут же приземлился лицом в снежную гущу. Уже через секунду Колпачок ржал аки конь, разглядывая на снегу отпечаток своей физиономии. Наблюдая за другом, Саша тоже потихоньку засмеялся. Нерешительное хихиканье быстро переросло в гогот и безудержное веселье, да так, что на глазах обоих проступили слёзы. Остановиться было невозможно!

— Давно я так со смеху не умирал, — подметил Саша, продолжая сидеть в сугробе.

— И не говори... — Федя схватился за лоб, нащупывая шишку.

Колесников сверкнул глазами:

— А ты чего выскочил-то в одном свитере?

— Так тебя догнать захотелось! — Колпачок развёл руками, поднялся на ноги и зашагал обратно к проходной. — Ты это... заходи в обед, — добавил он, обернувшись напоследок.

В раздевалке ещё никого не было, поэтому Саша с небывалой лёгкостью скинул шапку, варежки и шубу. Колочий свитер, как водится, он сменил на синий халат, а валенки на лакированные галоши. Оставалось только надеть белую шапочку, что Колесников и сделал, устроившись за столом. Совершенно спокойно и не торопясь он достал штамп, открыл журнал и, не поведя бровью, вырвал хаотично расписанные страницы.

В ту же секунду в комнату начали вваливаться мужики.

— Салют!

— Евгенич, доброе!

— Здорова, Сань...

С разных сторон и от каждого, кто заходил в помещение, слышались приветствия. Старший смены поровнее уселся на стуле, подышал на клише и произнёс:

— Привет, Ильич. Здорово, мужики!

Трое работяг, не снимая верхней одежды, сразу подошли к столу. Остальные робко последовали их примеру, столпившись за спинами самых смелых.

— Санёк... — начал было первый.

— Ну как там Валерьевич? Сказал что-нибудь дельное? — продолжил второй.

— Насчёт премии был разговор? Дадут?! — по новой затараторил первый, не дав вступить третьему.

Колесников так и не придумал, как сообщить мужикам дурные вести, но приподнятое настроение развязало ему язык, и слова полились сами собой:

— Харя, а сам как думаешь? Где ты видел, чтобы руководство премии выдавало? Не пойми кто пустил слух, а вы поверили, как дети малые. Вот станете начальниками и будете себе надбавки выписывать до самой смерти, а пока скажите спасибо, что хотя бы зарплату платят. Или вам опять тушёнку домой таскать хочется?

— Так что, не будет премии? Или как? — прозвучал юношеский тенор с последних рядов.

— Час от часу не легче... Талоны давайте сюда, — произнёс Саша, не обращая внимания на салагу с галёрки.

— А я предлагаю не вставать на линию сегодня! — ударил кулаком по столу Харитон. — Посмотрим, как Петухов лично будет глушить и обескровливать, — поправив большие усы, Потехин обратился к остальным рабочим в комнате.

— Ага, и кишки извлекать! — добавил рядом стоящий Макар Егорыч.

— И туши пилить сам будет, — поддержал протест Тихомиров, стоявший в стороне у шкафчиков.

Все присутствующие в раздевалке захохотали. Все, кроме старшего смены.

— Ну и уволят вас! А если не уволят, то зарплату лишат. И куда вы такие пойдёте? Работы за километры не видать. Заканчивайте бунт и не морочьте голову! — гаркнул Колесников самым серьёзным тоном.

— Ладно тебе, Санёк, чего взъелся? Нам и помечтать нельзя? Одна радость в жизни — представить начальника на нашем месте, — наконец выступил Ильич.

— И то верно... — с отяжкой вздохнул старший смены. — Всё, что могу сделать, это выбить пару смен в праздники. Сырья не будет, поэтому приберётесь тут да по домам пойдёте.

— Но оклад же двойной начислят? — шевеля ушами и с першинкой в горле, уточнил Макар Егорыч.

— Двойной... двойной.

— Уже что-то! — Кособоков начал медленно стягивать с себя куртку.

— Вот бумага, пишите имена, кто надумает, а я наверх передам.

Внешне Колесников оставался спокоен, но утренняя радость быстро сменилась грустью и сожалением. Глубоко внутри он сам наивно надеялся хоть ненадолго перестать считать гроши, а может, и вовсе расплатиться со старыми, как его язва, долгами. Между делом в голове эхом прозвучал Петухов: «Вот и славно. Слышишь? Премию ты получишь, раз на то пошло...»

Желания находиться у конвейера не было, поэтому, наспех осмотрев оборудование, Саша поднялся на четвёртый этаж, кому надо передал список имён за своей подписью, а потом украдкой сбежал в кабинет №247, чтобы соснуть. Проникнув внутрь тесного убежища, он запер замок на все обороты и выдернул из розетки умирающий холодильник, чтобы тот не булькал и не гудел.

«Кошмар... Раньше хоть во сне дух перевести можно было», — с ужасом думал Колесников, вспоминая щипцы на шее.

— Нигде теперь покоя не будет...

Саша пододвинул стул ближе к батарее так, чтобы облокотить голову на тёплую стену, а ноги вытянуть и положить на стол. Усевшись поудобнее, Колесников сложил руки на груди и, досчитав до сороковой овцы, ощутил, как вчерашняя усталость накрыла его тяжёлой волной.

Ощущение бытия стало странным и совершенно непривычным. Саше чудилось, будто его несут куда-то на тарелке, да ещё и в крошечной, обволакивающей темноте. То тут, то там раздавался звон бокалов, играла расстроенная скрипка, звучал смех. Всё это, едва различимо, постепенно перетекало в протяжный гул.

Внезапно мрак отступил, и яркий электрический свет ударил сверху. Колесников с ходу узнал руку по часам, которые вчера указали ему на время. Исполинских размеров конечность неспешно уносила вдаль серебряную крышку в форме колокола, а рядом, как-то между делом, выросла жена — непривычно красивая, напомаженная, с кудрями и в кружевном платье. Она ткнула в мужа пальцем и злорадно засмеялась.

В этот момент всё вокруг загудело, и Сашу пронзило невыносимое осознание себя варёным куском мяса внутри сплошной желеобразной массы. Его бросило в дрожь, захотелось во что бы то ни стало сбросить оковы и бежать как можно дальше!

«Но как? Как бежать, когда ты холодец?!» — прокричал Колесников.

Поток мыслей оборвала та самая рука с часами, которая теперь вознесла над Сашей столовую ложку, полную хрена, а затем и вовсе повернула её так, что острая приправа резко свалилась на блюдо, распластавшись по всей массе.

В глазах потемнело и защипало... Колесников изо всех сил пытался разглядеть человека, притаившегося в тени. Он был уверен, что там стоит Петухов, отчего ему ещё больше захотелось вырваться и посмотреть в глаза негодяю! От столь кипучего порыва лампочка в люстре, кажется, моргнула, и в этой вспышке проступили мутные очертания лица, которое никак не удавалось уловить, словно оно было не подвластно восприятию. Лишь на миг нечто то ли сверкнуло, то ли улыбнулось и заглянуло Саше в душу. В ту же секунду ядрёный хрен начал невыносимо выжигать нутро...

— А-а-а-а! — с нечеловеческим криком тело потеряло равновесие и свалилось на пол.

Колесников лежал рядом со столом и тяжело дышал, постепенно приходя в сознание. Как только он почувствовал, что ноги, руки и голова снова подчиняются ему, он спохватился и импульсивно стал осматривать себя и всё вокруг. Вид знакомых бежевых стен немного успокоил Сашу, и, выровняв дыхание, он неуклюже попытался встать.

«Не может быть... бред какой-то...» — тихо подумал он, ощущая неприятное жжение в горле и сдавленность в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.